Соловьева Диана Юрьевна, специалист по учебно-методической работе учебного отдела, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: di.solov@mail.ru

НОВЫЙ ИСТОРИЗМ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

В статье анализируются новые формы репрезентации исторического знания в современном цифровом медиапространстве. Вводится понятие «виртуализация истории» — прибавление дополнительных смыслов к фактическому историческому материалу. Рассматриваются различные варианты проявления виртуализации: ироническое переосмысление исторического события, его мифологизация и символизация, интерактивные и игровые репрезентации истории, а также потеря связи между символом и исторической реальностью.

Ключевые слова: *новый историзм, исторические вопросы в СМИ, история в цифровой среде, интернет-мем, мифологизация истории, Стивен Гринблатт.*

Diana Yu. Solovyova, Teaching and Learning Specialist at the Academic Office, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: di.solov@mail.ru

NEW HISTORICISM AND HISTORICAL REPRESENTATIONS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

The article describes new representation forms of historical knowledge in modern digital media scene. The author introduces the concept of «history virtualization», which suggests supplying additional meanings to actual historical materials, and studies various virtualization scenarios such as an ironic reinterpretation of a historical event, its mythologization and symbolization, interactive and game representations of history and the loss of connection between a symbol and historical reality. The visual representation form, the addition of ironic meaning and the presence of many equivalent viewpoints in cyberspace result in such a phenomenon as an internet meme. A historical meme is a «laughter» response of the mass audience to public events, but it involves history simplification and stereotypification. The phenomenon of history mythologization is characterized by history interpretation and update from the ideological perspective. In this case, interpretation may replace reality. Breaking the connection between reality and representation is also typical of interactive forms of the presentation of historical material. In interactive games, the user can only make a virtual decision. A lot of opportunities for virtual interaction with historical, political or social materials replace the user's real participation in the ongoing social process.

Key words: *new historicism, historical issues in the media, history in the digital environment, internet meme, history mythologization, Stephen Greenblatt.*

Введение

Как научный, так и медиадискурс в настоящее время объединяет общая проблема объективности предоставляемого знания о мире. «Через научную объективность проходит линия разлома, именуемая языком», – так обозначил проблему Л. Дэстон (2007: 37) в работе «Научная объективность со словами и без слов». Язык, то есть система знаков, которая позволяет автору сообщать информацию, является своеобразной линзой, вставленной между реальностью и текстом (научным, литературным, журналистским). Проблема развивалась в русле историографии: термин *лингвистический поворот* связан с именами Х. Уайта (2002), Р. Рорти (1967). На границе исторического и филологического знания в начале 1980-х гг. возникло направление *новый историзм*: все виды текстов были уравнены между собой. Представители этой американской литературоведческой школы используют термин *репрезентация* для обозначения текста, в котором историческая реальность интерпретирована автором и в котором проявились *властные отношения* эпохи. «Циркуляция репрезентаций <...> литературных и нелитературных, текстуальных, визуальных, архитектурных и т. д. (изучаемых в качестве проводника) – являются объектом исследований нового историзма», – отмечает Дж. Брэнниган (Brannigan, 1998: 62). Для новых историков единственный путь к историческому – и другому – знанию лежит через репрезентацию. При этом любая репрезентация – это добавление субъективного, авторского элемента (в форме интерпретации, вымысла, особого структурирования, способа подачи).

Журналист также использует язык как инструмент для отражения общественной реальности. Именно с понятием репрезентации связан механизм возникновения фальсификаций, манипуляций, упрощений, вольных интерпретаций – тех проблем, с которыми сталкивается современная журналистика. В предыдущей нашей статье (Соловьева, 2016) мы показали, как примат субъективного видения над объективной реальностью, авторской позиции над фактом, репрезентации над действительностью приводит к допустимости возникновения в информационном поле самых разных (иногда ложных и даже фантастичных) версий событий. Однако журналистики без языка быть не может. Возникает противоречие, сформулированное Дэстоном относительно научной объективности: «Как могут слова одновременно

быть непременным условием объективности и подрывать ее?» (Дэстон, 2007: 43).

Существование журналистики в реалиях цифровой эпохи добавляет к проблеме дополнительные аспекты. На первый взгляд, пространство Интернета открывает возможности для объективной журналистики: пользователю доступны разные виды источников, он вовлечен в процесс создания контента, может ознакомиться с международными ресурсами. Однако цифровое поле способствует и появлению бесчисленного количества репрезентаций истории, создателями которых могут быть не только профессионалы. Таким образом, ключевой проблемой становится противоречие между возникающими в современном медиапространстве тенденциями прибавления дополнительных смыслов к историческому материалу и необходимой для качественной журналистики характеристикой – быть достоверной и точной в предоставляемом знании.

Актуальность исследования заключается в описании и анализе новых явлений интернет-среды и их влияния на освещение исторических вопросов в СМИ. Журналистика в пространстве всемирной паутины может развиваться разными путями: как в сторону объективности и прозрачности для аудитории, так и в сторону идеологических манипуляций, упрощения и стереотипизации знания, усиления развлекательной и визуально привлекающей составляющей материалов и, как следствие, отвлечения от реального исторического процесса. Все эти явления нуждаются в осмыслении – со стороны потребителей, производителей контента и медиаисследователей.

Новизна данного исследования состоит в концептуальном изучении новых форм репрезентации исторического знания в цифровой среде в контексте их взаимосвязи с принципами нового историзма.

В интернет-пространстве текстовые формы репрезентации истории дополняются визуальными, интерактивными, инфографическими. Поэтому для анализа выбраны не только традиционные материалы СМИ, связанные с исторической тематикой, но и мультимедийные медиапроекты, документальные фильмы, которые сами по себе являются репрезентациями истории. Для иллюстрации универсального характера описываемых процессов привлечены как российские, так и англоязычные источники.

Нашей целью станет выявление того, как методы и теоретические аспекты нового историзма проявляются в современной циф-

ровой среде, а также описание новейших явлений в медиапространстве Интернета, связанных с проблемами репрезентации истории и исторической памяти.

Отказ от «макроисторизма». Новые формы репрезентации истории

Книги Стивена Гринблатта, одного из лидеров школы нового историзма, часто начинаются с пересказа исторического эпизода, в котором в сжатом виде заключены все дальнейшие выводы. Подход ученого, как и подход нового историзма в целом, заключается в компиляции исторических анекдотов, вокруг которых и выстраивается логика научного труда: «Ни у кого, кто читает эту книгу, не ускользнет из вида, что главы в основном выстроены вокруг анекдота – того, что французы называют “petites histories”, в отличие от “grand recit” – тотализирующей, интегрирующей, прогрессирующей истории, истории, которая знает, куда она движется» (Greenblatt, 1991: 2).

Обращение новых историков к форме анекдота имеет под собой как минимум два основания. Одно из них описывает Джоел Файнман (Fineman, 1989): анекдот, по его словам, является *историмой* – минимальной, но важной единицей историографии. Особое значение анекдота для новых историков заключается в том, что его одновременно характеризует литературность (принадлежность к литературному жанру) и референтность (отсылка к широкому историческому и социальному контексту). Анекдот, в таком случае, является литературной формой, описывающей частное событие, но открывающей выход к общему историческому процессу[1].

Есть и вторая причина интереса новых историков к анекдоту. Вслед за постмодернизмом новый историзм утверждает отказ от метанарратива, конкретнее – отказ от *макроисторизма*, то есть поиска в истории объективных закономерностей. Как справедливо отмечает И. П. Смирнов (2001), «если историк не пытается установить, каким общим закономерностям подчинена большая диахроническая система, то он вынужден иметь дело лишь с тем, что «может случиться, а может и не случиться» в ее, по выражению Гринблатта, «символическом хозяйстве», в ее внутренней социокультурной жизни». Формула Гринблатта *there is no escape from contingency* (нет способа избежать случайности) означает принятие

спонтанного характера истории. Минимальные единицы историографии (исторические анекдоты) оказываются связанными друг с другом случайным образом. А значит, и сам обозначенный выше переход от частного к общему (от анекдота к общему историческому процессу) случаен.

Такой подход полностью укладывается в постмодернистскую картину мира. История представлена не как цепь – то есть рациональная система, имеющая причинно-следственные связи, а как мозаика – набор фрагментов, которые в целом образуют социокультурное историческое полотно.

Современные средства массовой информации в большинстве своем демонстрируют переход к такой мозаичной форме репрезентации истории. Меняется роль историка: от рассказчика – к дизайнеру, продюсеру[2]; меняется сама форма исторического знания – возникает понятие *цифровой истории (digital history)*: «Цифровая история — это новая форма исторического знания, не линейный нарратив, а сайт, карта или база данных, которые позволяют не только максимально полно и достоверно представить исторические источники, но и найти неиерархическую визуальную форму репрезентации разных точек зрения, приватного и публичного, документов и воспоминаний»[3].

Действительно, важная особенность постмодернистской мозаики – неиерархичность, то есть равное доверие (или как минимум внимание) как к разным историческим источникам, так и к разным точкам зрения. Подобная форма репрезентации истории в СМИ может иметь преимущества: наглядный пример – раздел *BBC History*[4].

Вышедший в 2015 г., в год семидесятилетия со дня атомной бомбардировки Хиросимы, материал Дэна Сноу «Правильно ли было бомбить Хиросиму?»[5] имеет целый ряд особенностей подачи исторического знания. Сам материал представляет собой интерактивную схему, которая позволяет взглянуть на событие 1945 г. с разных углов зрения. Выбрана визуальная форма репрезентации: текст сведен к минимуму и выполняет вспомогательную роль в раскрытии концептуального замысла.

Этический вопрос, вынесенный в заголовок статьи, до сих пор является предметом полемики во всем мире. Споры ведутся и в средствах массовой информации США (пример консервативной точки зрения, согласно которой бомбардировка была необходима, – материал в *Washington Post*[6]; пример либеральной позиции,

призывающей попросить прощения у японского народа, – статья в *The Nation*[7]). Дискуссии ведутся и в Великобритании: интересный материал в форме читательской полемики (две позиции совмещены в одном тексте) опубликован на сайте *BBC History Magazine*[8].

Материал Дэна Сноу (*BBC*) принципиально отличается от вышеперечисленных: его задача – не убедить читателя в собственной точке зрения, а познакомить с разными версиями и, более того, предложить читателю принять участие в историческом процессе, то есть самому решить, как следовало поступить в августе 1945 г. Предложено четыре варианта: попытаться заключить мир, продолжить войну, сбросить атомную бомбу, устроить демонстрацию действия атомного оружия. Выбрав тот или иной вариант, пользователь получает контраргумент, и лишь в случае выбора варианта *сбросить атомную бомбу* – реальные последствия: 80 тысяч японцев, погибших мгновенно, и 120 тысяч – в течение последующих десятилетий.

Материал Сноу, осваивающий новые формы репрезентации истории, демонстрирует целый ряд тенденций. Помимо очевидных процессов дигитализации и демократизации исторического знания, уже упомянутых процессов визуализации и сегментирования, можно отметить и еще несколько интересных явлений – интерактивность (то есть вовлечение читателя в процесс создания и освоения истории) и виртуализация истории. Остановимся подробнее на каждом из них.

Виртуализация истории

«Строго говоря, в человеческих делах существуют только две эмпирические реальности: тела и тексты. Все огромное пространство между текстами и телами заполнено нашими спекуляциями (которые в свою очередь воплощаются в тексты)», – пишет А. Эткинд (2001) в статье «Новый историзм, русская версия». Развивая эту мысль в заданном нами направлении, можно сказать, что происходит разрыв между реально произошедшим историческим фактом и его дальнейшим бытованием в различных текстовых, визуальных и других репрезентациях.

Под понятием *виртуализации истории* мы подразумеваем широкий круг явлений в медиасфере, характеризующийся прибавлением дополнительных смыслов к фактическому историческому знанию. Для виртуализации характерно использование логики

виртуальной реальности: создание нового варианта реальности (ее репрезентации), искусственность конструкции, а также наличие возможности задавать и изменять ее параметры[9]. Так, реальность, в том числе историческую реальность, можно дополнить или усечь, усложнить или упростить и даже создать совершенно новую ее версию – альтернативную историю.

Рассмотрим некоторые формы виртуализации, присутствующие в современном медиапространстве, – ироническое переосмысление исторического события, его мифологизация и символизация.

Ироническое переосмысление. Исторические мемы

Ирония, среди прочего, является одной из ключевых характеристик постмодернистской картины мира. Она выполняет, с одной стороны, функцию деструктивную (отрицание правды, первоначального смысла, традиции), с другой стороны, она самоценна, так как рождает новую смысловую коннотацию. Формы иронического переосмысления прошлого стали неотъемлемой частью культурной реальности нашего времени, вышли за пределы научного дискурса и сферы искусства и укрепились в среде массовой коммуникации. Всего один пример: обложка журнала *The Spectator* от 22 октября 2016 г. – аллюзия на известный советский плакат «Родина-мать зовет», где в центральной фигуре узнается В. Путин, в руке которого вместо военной присяги планшет с логотипом *RT*. Под плакатом размещена подпись: «Путин против мира. Он побеждает – и в пропаганде, и в делах». Статья Пола Вуда «Опасные игры Путина в Балтии»[10], к которой отсылает обложка, по сути является размышлением о методах российской пропаганды, цель которой, по мнению автора, создать впечатление угрозы. Во второй статье номера[11] рассматривается реакция западного общества, по мнению журналиста преувеличенная. Раскрывается смысл обложки журнала: с одной стороны, аналогия – намек на советскую историю (присоединение Прибалтики к СССР – инфоповод статьи, период холодной войны, информационного противостояния СССР и Запада); с другой стороны, акцент на пропагандистский характер плаката (транслируется тезис о том, что В. Путин – успешный пропагандист). В то же время именно этот тезис иронически обыгрывается в изображении: гипертрофированно демонический и масштабный образ президента указывает на пре-

увеличенную реакцию западного общества, что и раскрывается в содержании журнала.

Ироническое переосмысление широко известного, закрепленного в исторической и культурной памяти визуального образа, по сути, является одним из вариантов создания интернет-мема.

Термин *мем* был изначально предложен Р. Доукинсом в значении «наименьшей единицы культурной наследственности» (Репина (ред.), 2008: 36). Для Доукинса, работавшего в русле эволюционной биологии, важно было показать, что ген – не единственный передатчик наследственной информации. На культурно-историческом уровне также происходит передача знания из поколения в поколение: мемом была названа «единица смысла, единица трансляции культурного наследия» (Репина (ред.), 2008: 36). «Мемами могут быть идеи, лозунги, стереотипы, литературные клише, мода, алфавиты, музыкальные фразы и т. п. Мемы – репликаторы, стремящиеся к бесконечному самовоспроизводству» (Репина (ред.), 2008: 36).

Мем как современное явление интернет-среды заимствовал многие ключевые характеристики термина, предложенного Доукинсом, – идею передачи и распространения за счет самовоспроизводства, создание общего культурного (информационного) поля.

Однако если *мем* Доукинса определяется как *единица смысла*, то интернет-мем таковым является не всегда. М. Ноубел и К. Ланкшер (2006: 209) выделяют три характеристики, которые способствуют популярности интернет-мема: наличие юмора, интертекстуальность и нестандартное сопоставление (наложение). Все три компонента отсылают нас к постмодернистским установкам: 1) ирония, 2) взгляд на культуру как на палимпсест, а на мир – как на набор разнообразных текстов, 3) столкновение разных типов текста для создания новых смыслов. Само интернет-сообщество, анализируя различные типы мемов, отмечает переход от доироничных мемов к ироничным и далее – к постироничным и метаироничным[12]. Распространение так называемых *простых* мемов дополняется более сложными вариациями: мем, иронизирующий над простыми мемами; мем, иронизирующий вообще над созданием мема. Развитие мемов как одного из жанров народного творчества происходит в постмодернистских культурных реалиях и не может избежать их влияния.

Так, одним из вариантов создания мема является принцип иронического переосмысления. Он заключается в том, что изначальное содержание текста (плаката, картины, скульптуры, сцены из фильма и т. д.) травестируется, остается лишь форма, которую заполняют новым – чаще упрощенным – содержанием. Новый смысл рождается за счет столкновения различных типов текста (в широком смысле слова), порой из совершенно разных областей. Например, плакат «Родина-мать зовет» может полностью утратить свое первичное значение, скажем, в вызвавшей скандал рекламе «Родина-мать зовет танцевать», где центральная женская фигура представлена танцующей фламенко[13]. Недаром С. Гринблатт (1999), описывая механизм утраты у «символической структуры» изначального значения и привнесения в нее новых смыслов и точек зрения, замечает, что «теперь процедура эта нам знакома как одна из самых пошлых коммерческих хитростей». Содержание мема зависит от сообщества, в котором он создается и распространяется: используя один и тот же шаблон, можно создать и интеллектуальный мем, и примитивный, проиллюстрировать как одну точку зрения, так и другую. Нивелируется (как и в постмодернистских текстах) понятие ценности и истины: ценно то, что популярно.

Интернет-мем имеет еще одну (казалось бы, парадоксальную) особенность: он не может быть новаторским. Мем не рождает нового содержания, а лишь закрепляет стереотипы, существующие убеждения, популярные мнения, которые уже присутствуют в том или ином сообществе или обществе в целом. Как отмечает в своем исследовании об интернет-мемах П. В. Колозариди, проводя параллель с традиционным типом рассказчика, описанным Лиотаром, мем «рассказывает не о чем-то новом, а, наоборот, о старом, которое подтверждено множеством предшествующих рассказов» (Колозариди, 2016). Сравним этот тезис с размышлениями представителей нового историзма. Стивен Гринблатт в своей монографии, посвященной Шекспиру, иллюстрирует эту мысль, используя своеобразную метафору. Он начинает книгу с признания: его всегда преследовало желание поговорить с мертвыми. Однако, как он считает, ошибочно было бы воображать, будто он «услышит» при этом один-единственный голос – того, с кем ему хотелось бы поговорить. «Если я хочу услышать голос одного, я должен услышать голоса многих мертвых. Если я хочу услышать голос другого, я услышу и мой собственный голос. Речь умершего, так же как и

моя речь, не является частной собственностью» (Greenblatt, 1988: 20). История, таким образом, предстает перед нами как *наслоения* различных текстов и их трактовок друг на друга. Мем незримо суммирует в себе предшествующие тексты и представления, и в итоге мы получаем наиболее обобщенный стереотип на заданную тему[14].

Интернет-мем, таким образом, совмещает в себе сразу несколько характеристик. Мем, как и анекдот новых историков, – это фрагмент исторической мозаики, не привязанный к причине и следствию, оторванный от контекста, случайный элемент исторического процесса, при этом многократно растиражированный фрагмент. Большой охват аудитории обеспечивается социальными сетями и достигается благодаря смеховой составляющей (без нее мем не будет считаться удачным) и действующему в цифровой среде тренду (как сложно избегать моды, покупая одежду в магазине, так сложно и избегать мемов, находясь в пространстве Интернета). В то же время он может, с одной стороны, быть пустой формой, в которой изначальный смысл поглощается иронической игрой, с другой стороны, выражать наиболее распространенное и общепринятое в сообществе представление. Это также является условием популярности мема: он неудачен, если не принят и не одобрен большинством. Таким образом, мем можно назвать объектом для изучения социальной психологии определенной группы людей, вариантом саморепрезентации определенного сообщества. Однако может ли мем, как и анекдот в случае нового историзма, быть минимальной единицей историографии?

На наш взгляд, в приписывании ему такого статуса есть большая опасность. Несмотря на очевидное присутствие и значение в современной культуре, мем не имеет ничего общего с исторической реальностью. Он фиксирует не исторический факт и даже не историческую версию, а добавочную ироническую интерпретацию и некий, часто ложный стереотип.

Тем не менее современные медиа демонстрируют, насколько возрастает роль мемов в информационном пространстве. Общество откликается серией мемов на события разного уровня значимости. Средства массовой информации многих стран фиксируют, а порой и интерпретируют этот процесс[15]. При этом жизненный цикл мемов, как правило, недолговечен: выплеснув реакцию на событие в Интернет, аудитория довольно быстро теряет интерес и к мему, и к самому событию.

История творится средствами массовой информации сию минуту. Исторический процесс в современном мире значительно ускорился, события сжались, и сегодняшняя повестка дня очень быстро становится историей. Характерной особенностью повестки является восприятие информационного мира как *серии курьезов*. Показательный пример – президентские выборы в США в 2016 г. и избрание Дональда Трампа. «В самом деле, мы избрали мем в президенты»[16], – так верно отмечена реакция общества на это событие в *The Guardian*. Популярность Трампа в Интернете (не так уж важно со знаком плюс или минус), вероятно, сыграла не последнюю роль в его избрании: провокационная и местами анекдотическая линия поведения Трампа являлась лучшим материалом для создания мемов в Сети. Дальнейшие события: инагурация, визит к Папе Римскому Франциску[17], активность президента в социальных сетях[18] – также становятся поводом для серии мемов. Статья *The Guardian* [19] с заголовком «100 дней президентства Трампа в мемах» доказывает, что мем стал условной единицей, которой можно измерить политику в историческом процессе.

Нельзя отрицать, что в данном случае мемы являются еще и частью смеховой культуры, причем всего мирового сообщества. Будучи средством мгновенной массовой реакции на события современности, они выполняют функцию снижения официальной повестки дня, политических процессов и ритуалов. Вместе с тем нельзя не поставить вопрос: насколько это явление поможет нам в осмыслении исторического процесса, не заслоняет ли глобальное *смеховое опустошение* событий (вспомним популярное в Интернете слово *хайп*) некие значимые, реально происходящие события?

Мифологизация истории

Немецкий историк Ян Ассман в работе «Культурная память» (Ассман, 2004), описывая формы и механизмы формирования культурной памяти в обществе, использует понятие интериоризированного (то есть вспомненного) прошлого. Такое прошлое – всегда некий обосновывающий рассказ. Подобный рассказ мы называем мифом. «Это понятие обычно противопоставляют «истории», имея в виду двоякую противоположность: фикция (миф) против реальности (история) и ценностно нагруженное целевое задание (миф) против не связанной с целями объективности (история)» (Ассман, 2004: 80).

По мнению Ассмана, от такого разделения стоит отказаться. Как форма памяти о прошлом история и миф неразделимы и неразличимы. Подобное уравнение всех форм изучения прошлого, как и утверждение невозможности познать историю вне ее репрезентации, – программный тезис сторонников *нарративистского* подхода к изучению истории и представителей нового историзма. Новые историки настаивают на равнозначности всех видов текстов, а значит, миф встает на один уровень с научным историческим знанием.

Однако миф, как отмечает сам Ассман, отличается тем, что он «всегда функционален». Его функцией может быть «обоснование преемственности» или он может служить «движущей силой развития». «Но ни в том, ни в другом случае прошлое не вспоминается «ради него самого» (Ассман, 2004: 80).

Рассмотрим механизм виртуализации истории в данном случае. Миф – это не только дополненная вымыслом историческая реальность, но еще и история с заданным значением. Задача власти или другой социальной силы заключается не только в создании и поддержании мифа, но и в том, чтобы закрепить определенное отношение к этому мифу. В этом процессе важна роль средств массовой информации: они являются инструментом создания мифа и формирования его восприятия обществом.

В 2015–2016 гг. активные дискуссии в российских СМИ вызвала история о подвиге 28 панфиловцев. Инфоповодом стала съемка и выход в прокат (24 ноября 2016 г.) фильма «28 панфиловцев», сперва финансируемого за счет краудфандинга, а позднее получившего финансовую и информационную поддержку от Министерства культуры РФ и Казахстана.

Дискуссия связана с достоверностью исторического события: в апреле 2015 г. директор Государственного архива РФ Сергей Мироненко назвал подвиг 28 панфиловцев вымыслом, ссылаясь на справку-доклад, которая была подготовлена по материалам расследования и подписана 10 мая 1948 г. главным военным прокурором вооруженных сил СССР Николаем Афанасьевым[20]. 13 июля 2015 г. этот документ был опубликован на официальном сайте Госархива[21].

5 октября 2016 г. в «Российской газете» появилась программная статья[22] министра культуры РФ Владимира Мединского о том, что «означает бренд «28 панфиловцев», в чем причина всех этих спекуляций вокруг него». Интересно, что Мединский в своей статье

тоже использует справку-доклад от 10 мая 1948 г., однако интерпретирует выдержки из этого документа с собственной идеологической позиции. Например, случайное возникновение числа 28 в этой истории Мединский комментирует следующим образом: «Конечно, любой пропагандист знает, насколько выигрышны в этом деле цифры и яркие образы. А советские спецы не глупее нынешних были – и легенда о «28 панфиловцах», основанная на реальных событиях, стала во время войны мощным мобилизационным фактором, а позже и ярким символом массового героизма советского солдата»[23]. В заключительной части статьи с подзаголовком «Где правда» Мединский приходит к выводу, что за словами «сегодняшних ниспровергателей» стоит тонкий расчет «поставить под сомнение не только нашу пропаганду в годы Великой Отечественной, но и весь смысл жертвенной борьбы советского народа за свою Родину»[24]. Здесь прослеживается официальная установка – как *правильно* относиться к определенному историческому событию, и установка эта транслируется через средства массовой информации.

Что касается вынесенного в подзаголовок вопроса «Где правда», то на него министром дан следующий ответ: «Правда в том, что в тот самый миг, когда упал, сраженный пулей или осколком, первый боец, держащий в своем сердце, как пример – как надо Родину защищать, – подвиг 28 панфиловцев, эта красивая легенда перестала быть легендой. И правда в том, что все ее ниспровергатели стали врагами и этого бойца, и миллионов других погибших, для которых память 28 была свята»[25]. В статье неоднократно подчеркивается пропагандистский характер легенды (как называет ее сам Мединский) о 28 панфиловцах. И, по сути, министр в статье отстаивает не истинность исторического события, а важность присутствия в коллективной памяти народа героической, патриотической легенды. За историческим спором скрыт вопрос о методах пропаганды и ее политических функциях.

Фильм «28 панфиловцев» – не только продукт художественного творчества, он является полноценным медиапродуктом. Достаточно обратиться к сайту картины[26], на котором собрано множество ссылок на материалы о «28 панфиловцах» в СМИ, фото- и видеоотчетов с привлечением зрителей, аккаунтов фильма в разных социальных сетях (причем контент каждого аккаунта различается и адаптирован для целевой аудитории социальной сети), есть даже возможность загрузить изображение для печати на футбол-

ках. Упомянутая выше статья министра культуры выступает в качестве информационной поддержки со стороны власти. Проблема исторического мифотворчества в данном случае заключается не в создании фильма, а в сопровождающем его информационном поле. Выступление Мединского приобретает реальную силу только благодаря тому, что оно растиражировано в СМИ. Через средства массовой информации миф транслируется в качестве правды. Как писал Ф. Кафка, «ложь возводится в систему»[27].

Обессмысленный символ. Забвение

Рассматривая проблему дополнения исторической реальности добавочными значениями, мы неизбежно столкнемся еще с одной проблемой – проблемой памяти и забвения. Всякое историческое событие, отдаляясь от современности на существенную временную дистанцию, все менее воспринимается ныне живущими как реальность – оно проходит этап символизации. Чем больше событие удалено от нас, тем более схематично или даже иллюзорно, мифологично оно представлено в нашем сознании. Для того чтобы понять механизм этого постепенного забывания, обратимся к работе Я. Ассмана (2004), в которой немецкий исследователь утверждает, что, хотя носителем памяти является отдельный человек, его память является частью коллективной памяти и зависит от «референциальных рамок», которые ее организуют. Сохранение памяти осуществляется за счет участия человека в процессах коммуникации. Именно в коммуникации и оформляются эти «рамки». Соответственно процесс забвения связан с прекращением коммуникации или изменением референциальных рамок коммуникативной реальности. «Забвение или искажение определенных воспоминаний объясняется тем фактом, что рамки эти меняются от одной эпохи к другой. Таким образом, не только память, но и забвение есть социальное явление» (Ассман, 2004: 38).

На наш взгляд, средства массовой информации являются одним из каналов, обеспечивающих формирование референциальных рамок. Характерно, что используется само понятие референциальности, то есть отношений между словом и вещью, языком и реальностью. Иными словами, медиа – это то, что актуализирует память, облекая ее языковую форму. В таком случае, перед нами встает вопрос, каким образом происходит изменение референциальных рамок и как это связано с процессом забвения.

Примером иллюстрации проблемы может послужить вышедший в 2016 г. документальный фильм Сергея Лозницы «Аустерлиц» и реакция всех мировых СМИ на эту картину[28]. Фильм снят на территории бывших нацистских концлагерей. Особенность картины в том, что в центре внимания находится не история лагеря, а туристы, приезжающие туда с семьей или друзьями в воскресный день и праздно разгуливающие по территории лагеря смерти.

В фильме есть несколько показательных сцен, все они построены на соотнесении исторических сведений и картины сегодняшнего дня. После слов о страшных способах казни посетители фотографируются на фоне крематория. После рассказа о страшном голоде, который испытывали заключенные, смонтирован эпизод, где туристы жуют сэндвичи. Экскурсовод просит отложить это занятие, уверяя, что «это не последняя их возможность поесть». Тем не менее, как заметил в интервью сам режиссер[29], это не фильм о «глупых туристах»[30]. Проблема может быть поставлена по-другому: в местах, созданных для сохранения памяти, она, напротив, теряется. Хотя временная дистанция для такого забвения еще недостаточно велика. Почему это происходит? Возможно, потому что пространство памяти (или пространство истории) дополнено другим – пространством туристического объекта. Люди в кадре заняты всем тем, чем заняты туристы в любой точке мира: сверяются с маршрутом, слушают гида и аудиогид, разговаривают друг с другом, фотографируют и фотографируются. Добавочное значение будто бы перекрыло значение реальное, историческое.

Для теоретиков постмодернизма идея потери связи между символом и реальностью – одна из основных. Ф. Уэбстер, говоря о Бодрийяре, так описывает его теорию симулятивности знаков: «Ужасно глупо отправляться вместе с идеологами Нового времени на поиск «реальности»: ее нет ни в лондонском Тауэре, ни в блэкпульском Тауэре, потому что за обоими знаками не кроется ничего аутентичного. Это гиперреальность, «построенная по образцам реального мира, но не возникшая из реального мира» (Уэбстер, 2004: 340). Специалист в области исторической памяти Пьер Нора сходным образом описывает *места памяти* – символический элемент коллективной памяти: «Они сами являются своей собственной референцией, знаками, которые не отсылают ни к чему, кроме самих себя, знаками в чистом виде» (Нора, 1999). Однако, несмотря на

словесные ухищрения постмодернизма, как Тауэр, так и лагерь Аушвиц возникли из реального мира. И феномен забвения, на наш взгляд, обусловлен именно этим механизмом – оторванностью референциальных рамок, обеспечивающих сохранение памяти, от реального исторического содержания, иными словами, потерей связи между символом и тем, из чего он возник. Например, фраза «Труд освобождает» после периода правления НСДАП приобрела резко негативное значение, а теперь, как показывает фильм «Аустерлиц», это значение потеряла. Люди беспрепятственно фотографируются на фоне этой надписи на воротах лагеря. Для них она – символ, но уже без значения, символ с туристического экспоната.

Еще одним примером того же явления может послужить интернет-проект израильского сатирика *Yolocaust*[31], в котором автор собрал фотографии из социальных сетей, где люди позируют и делают сэлфи на фоне мемориала жертвам Холокоста в Берлине. В интервью *BBC* исполнительный директор *Holocaust Education Trust* Карен Поллок заметила, что при просмотре этих фотографий она думает не о том, что эти люди ужасны, а о том, что «это молодые люди, которые по-другому переживают опыт предыдущих поколений»[32]. Образовавшуюся лакуну между реальной исторической трагедией – Холокостом и местом памяти – мемориалом цифровое поколение заполняет привычными для себя формами взаимодействия с действительностью (фотографии, социальные сети). Например, одна из современных игровых форм взаимодействия с историей – создание аккаунтов в *Instagram* для исторических личностей[33] (по сути, жанр альтернативной истории). Характерно и то, что реакция на это явление отражается в том же поле цифровой среды: проект *Yolocaust* вызвал широкий резонанс, был распространен по всем мировым социальным сетям, набрал более 2,5 миллионов просмотров и благодаря этому сработал.

В цифровой медиасреде скорость возникновения забвения только увеличивается: огромные потоки информации, потребляемые пользователем Интернета, не позволяют ему долго останавливаться на восприятии и оценке каждого события. В условиях непрерывного обновления и наслоения инфоповодов усвоение информации рискует превратиться в потребление знаков. События, воспринимаемые таким образом, вероятно, будут исчезать из индивидуальной и коллективной памяти все быстрее.

Интерактивность. Читатель как соавтор и участник исторического процесса

Концепция читателя-соавтора или читателя-интерпретатора является ключевой для всех видов постмодернистских текстов. Представитель постмодернизма Джон Фаулз в программной 13 главе романа «Женщина французского лейтенанта» отвергает идею всеведущего автора метанарратива, утверждая, что современные писатели – это «боги нового теологического образца, чей первый принцип – свобода, а не власть»[34]. Так, Фаулз как бы предоставляет читателю возможность соучастия в процессе создания текста, например в выборе финала романа, подразумевая, что каждый читатель наделен свободой выбора и свободой творить собственный, равнозначный авторскому нарратив.

Для теории нового историзма такой подход имеет значение, так как перед читателем любого текста стоит задача выявить контекст и социальные условия, в которых этот текст создавался, – в терминологии новых историков, *властные отношения* эпохи. В то же время читатель является носителем собственной идеологии, которую он привносит в читаемый текст. Утверждается новый тип непассивного читателя – интерпретатора и соавтора.

Цифровая среда создает оптимальные условия для вовлечения читателя в процесс интерпретации. Проект новых историков (в том числе и Стивена Гринблатта) «Нортоновская антология английской литературы»[35] предоставляет читателю возможность провести исследование или просто ознакомление (степень погруженности в материал каждый определяет сам), используя методологию нового историзма. Материал разбит на исторические эпохи, в каждом разделе тексты собраны вокруг поставленной проблемы, пользователю задано определенное направление изучения. Например, одна из представленных тем XVI в. – «Исследования и путешествия Ренессанса и мир за пределами Европы». Ключевой вопрос, определяющий вектор чтения и изучения текстов, – «как елизаветинцы использовали столкновения с другими культурами как способ самоопределения»[36]. Интересно, что в заключение читателю предлагается сравнить экспедиции XVI в. с космическими исследованиями XX в., для того чтобы лучше понять побуждения путешественников елизаветинской эпохи. Подобный анахронизм вписывается в теорию нового историзма, согласно которой читатель всегда привносит в прошлое настоящее и оценивает историю с позиций современности.

В настоящее время в медиапространстве можно найти множество примеров использования интерактивной истории. Активно работает в этом направлении *BBC*. Как и в случае нового историзма, исторические сюжеты сравниваются с явлениями современной культуры: например, читателю предлагается узнать, что связывает Шекспира с Железным человеком или Джеймсом Бондом[37]. Был запущен масштабный интерактивный проект, по сути компьютерная онлайн-игра, по событиям Первой мировой войны[38]. Пользователь может принять решение, от которого зависит ход военных действий. Еще один из вариантов интерактива – предложение для читателя самостоятельно изучить историю чернокожих Великобритании[39]. В материале дано несколько историй *для вдохновения*, а также рекомендации по поиску информации. Такой род интерактивности важен тем, что выходит за пределы виртуальности и предполагает, что читатель СМИ, потребляющий информацию, превратится в исследователя истории повседневности, ищущего информацию.

В российской медиасреде интересен проект «1917»[40]. Исторический материал здесь адаптирован к современной цифровой форме. Воспоминания очевидцев событий 1917 г., мемуары известных исторических личностей, статьи из газет того времени представлены в виде постов в социальной сети и обновляются каждый день. Пользователь имеет возможность подписаться на страницу проекта в социальной сети и читать исторические воспоминания в своей ленте новостей, среди новостей знакомых и актуальной информации.

Сами медиа реагируют на интерактивные формы подачи материала по-разному. В Великобритании выпуск *BBC* интерактивной игры, посвященной проблеме сирийских беженцев, вызвал неоднозначную реакцию СМИ. *The Daily Mail* и *The Sun* сочли материал аморальным по причине превращения «человеческой трагедии в игру». В статье *The Guardian*[41] же отмечено, что игра – это всего лишь способ привлечь внимание к серьезным проблемам, отвечающий реалиям цифровой эпохи. Стоит признать, что появление в медиасфере интерактивных репрезентаций исторических событий является данностью цифровой реальности. Сами медиа неизбежно должны и будут адаптироваться к развитию новых технологий и появлению интерактивных и визуальных форм подачи материала. Успешность медиапроекта у массовой аудитории – а это одно из главных условий существования медиапродукта, в отличие, на-

пример, от литературного или научного труда, – требует от редакции перехода к новым, понятным и популярным у интернет-аудитории формам. Проект «1917» – подтверждение этого.

Однако существует одна проблема. Участвуя в интерактивных проектах или осуществляя выбор в виртуальной игре, пользователь должен отдавать себе отчет в том, что он совершает символический выбор. Авторы, по Фаулзу, «нового теологического образца» предоставляют иллюзорную свободу выбора. Читатель романа «Женщина французского лейтенанта» понимает, что именно автор, несмотря на декларируемую непричастность к управлению ходом повествования и героями, выстраивает нарратив и выбор уже заключен в тексте[42].

На сайте проекта «1917» пользователю предложены развлекательные онлайн-игры на исторические темы. Правило одной из них – не пустить Ленина к границе Петрограда. В описании игры – частая в таких случаях фраза «Ты можешь изменить ход истории». Принять решение исторического масштаба предлагается читателю и в упомянутом выше материале, посвященном бомбардировке Хиросимы. В каждом случае читатель совершает игровой выбор – в вымысле, в интерпретации.

Отмеченные нами репрезентации истории, существующие в современной медиасреде: мем, миф, мозаика, интерактивная игра, – объединяет добавление к историческому факту виртуального пространства интерпретации или вымысла. Участвуя в интерактивной игре, читатель вносит изменения в репрезентацию. Возможность виртуально принять решение исторического масштаба скрывает под собой невозможность принять такое решение в настоящем – в реальности. Важно пояснить: речь идет не о потере грани между виртуальностью и реальностью. Как верно заметил Ф. Уэбстер (2004), «людям не так уж трудно отличить образ от факта». Однако сам развлекательный характер контента (несмотря на то что создатели таких проектов могут действовать и из лучших побуждений – логики инфотейнмента) подразумевает отказ пользователя от реального участия в социальных процессах в пользу бесплодной игры на историческую тематику. Средства массовой информации выполняют названную Р. Мертоном и П. Лазарсфельдом (1948) *наркотизирующую* функцию. Как получение большого количества сообщений от СМИ и широкая информированность о проблемах общества не заменяют участия в решении этих проблем, так и интерактивные игры не заменяют реального кон-

такта с миром. И нужно согласиться с учеными: оба явления являются проявлениями массовой апатии в отношении актуальных политических и социальных процессов.

Взаимодействие СМИ и аудитории, реальных политических сил и рядовых участников истории характеризуется асимметричностью влияния. Поэтому виртуальный выбор, доступный читателю, в каком-то смысле может служить инструментом поддержания рамок демократии. Пользователь, конечно, отдает себе отчет в том, что он не делает реальный выбор, решающий судьбу Хиросимы, но ведь и у жителей Хиросимы, и у большинства жителей США этого выбора не было.

Заключение

Рассмотрев формы репрезентации исторического знания в современной цифровой медиасреде, мы обозначили проблемы, с которыми сталкиваются современные СМИ при работе с историческим материалом. Анализ отдельных кейсов наметил основные тенденции, которые требуют дальнейшей разработки. На данном этапе исследования мы можем сделать следующие выводы.

• Существование медиа в пространстве цифровой реальности открывает возможности для создания новых форм репрезентации исторического знания. Прослеживается тенденция отказа от линейного нарратива в пользу *визуальной мозаики*, интерактивных материалов. Процесс имеет свои преимущества: облегчается доступ к историческому материалу, появляется широта взгляда – возможность познакомиться с разными существующими версиями исторических событий.

• Подобная открытость к любым интерпретациям истории имеет и свою обратную сторону. А. Визер пишет: «Никакой дискурс, ни вымышленный, ни архивный, не дает доступа к неизменным истинам...» (*cit. ex*: Brannigan, 1998: 61–62), описывая таким образом общий принцип нового историзма – любое знание есть репрезентация. А это значит, что историческую истину можно менять, ссылаясь на равное доверие к разным версиям событий. Такая установка делает возможным явление *мифологизации* истории. Исторические события могут интерпретироваться, дополняться (с идеологической целью), а сама интерпретация – заменять истину.

• Визуальная форма репрезентации, ироническое переосмысление и присутствие множества равнозначных точек зрения в цифровом пространстве являются условиями для появления интернет-мемов. *Исторический мем*, хоть и является *смеховой* реакцией массовой аудитории на общественные события, характеризуется примитивизацией и стереотипизацией истории. В меме реальное содержание исторического события может исчезать, оставляя пустую форму: смех ради смеха, рекламы, коммерции, политики и т. д.

• *Опустошенная* форма, то есть репрезентация без содержания, знак, который не отсылает к исторической реальности, рождает в обществе забвение, потерю исторической памяти.

• Нарушение связи между реальностью и репрезентацией характерно и для *интерактивных форм* подачи исторического материала. В интерактивных играх у пользователя есть возможность принять решение только в репрезентации, а значит, его участие в историческом процессе виртуально. Средства массовой информации выполняют в данном случае *наркотизирующую* функцию: обилие возможностей виртуального взаимодействия с историческим, политическим или социальным материалом может заменять или уменьшать долю реального участия в актуальном общественном процессе.

Примечания

[1] Такой угол зрения в целом характерен для литературной критики нового историзма: например, само литературное произведение рассматривается ими как единичная форма, являющаяся отражением социального контекста и отсылкой к нему.

[2] *Лапина-Кратасюк Е. Г.* Как цифровые медиа изменили подход к истории // Forbes. 2015. Авг., 03. Режим доступа: http://www.forbes.ru/mneniya-column/295707-kak-tsifrovye-media-izmenili-podkhod-k-istorii (дата обращения: 01.08.17).

[3] Там же.

[4] http://www.bbc.co.uk/history

[5] Snow D. (2015) Was it right to bomb Hiroshima? BBC. Available at: http://www.bbc.co.uk/guides/zq7yg82 (accessed: 01.08.17).

[6] Cohen R. (2015) Truman was right to use the bomb on Japan. The Washington Post, 17 August. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/no-apologies-necessary/2015/08/17/a0899906-450a-11e5-8e7d-9c033e6745d8_story.html?utm_term=.46de65e38050 (accessed: 01.08.17).

[7] Appy C. (2015) 70 Years Later, We Still Haven't Apologized for Bombing Japan. The Nation, 4 August. Available at: https://www.thenation.com/article/70-years-later-we-still-havent-apologized-for-bombing-japan/ (accessed: 01.08.17).

[8] Was the US justified in dropping atomic bombs on Hiroshima and Nagasaki during the Second World War? You debate. Historyextra. 2015, 6 August. Available at: http://www.historyextra.com/feature/second-world-war/was-us-justified-dropping-atomic-bombs-hiroshima-and-nagasaki-during-second (accessed: 01.08.17).

[9] При этом необязательно с использованием технологий.

[10] Wood P. (2016) Putin's dangerous games in the Baltic. The Spectator, 22 October. Available at: http://www.spectator.co.uk/2016/10/putins-dangerous-games-in-the-baltic/ (accessed: 01.08.17).

[11] Liddle R. (2016) Stop this stupid sabre-rattling against Russia. The Spectator, 22 October. Available at: http://www.spectator.co.uk/2016/10/stop-this-stupid-sabre-rattling-against-russia/ (accessed: 01.08.17).

[12] http://thephilosophersmeme.com/2016/01/18/glossary-1-dot-0/

[13] Призывающая танцевать Родина-мать рассердила жителей Тосно // Lenta.ru. 2016. Апр., 19. Режим доступа: https://lenta.ru/news/2016/04/19/justdance/ (дата обращения: 01.08.17).

[14] Характерный пример: мемы *countryballs*, в виде комиксов фиксирующие национальные стереотипы, иронически обыгрывают разные сюжеты международных отношений, точнее – массовых представлений о них.

[15] Реакция британцев на *Brexit* отразилась в подборках, например, *BBC* (Estatia L. (2017) The best of Brexit trigger day memes. BBC News, 29 March. Available at: http://www.bbc.com/news/blogs-trending-39430319 (accessed: 01.08.17)) и The Sun (Richardson H. (2017) Brexiteers have flooded Twitter with triumphant (and hilarious) memes to celebrate Britain finally quitting the EU. The Sun, 29 March. Available at: https://www.thesun.co.uk/living/3205863/its-brexit-day-and-people-are-summing-up-their-feelings-in-these-triumphant-and-hilarious-memes/ (accessed: 01.08.17)); мемы, касающиеся акций протеста в России 26 марта 2017 г., собрала *Meduza* (Акции протеста против коррупции. Только мемы // Meduza. 2017. Март, 26. Режим доступа: https://meduza.io/shapito/2017/03/26/aktsii-protesta-protiv-korruptsii-tolko-memy (дата обращения: 22.09.2017); многие российские СМИ пытались осмыслить резонансную историю Дианы Шурыгиной и целую волну мемов, отражающих реакцию общества на эту историю – интерпретация «МК» (Героиня Диана Шурыгина: в чем ужас интернет-мема// MK.RU. 2017. Март, 10. Режим доступа: http://www.mk.ru/zloba-dnya/2017/03/10/geroinya-diana-shurygina-v-chem-uzhas-internetmema.html (дата обращения: 22.09.2017), Meduza (Что происходит с Дианой Шурыгиной и почему ее не оставляют в покое // Meduza. 2017. Февр., 20. Режим доступа: https://meduza.io/feature/2017/02/20/chto-proishodit-s-dianoy-shuryginoy-i-pochemu-ee-ne-ostavlyayut-v-pokoe (дата обращения: 22.09.2017).

[16] Cresci E. (2017) Spicer facts' and weird handshakes: 100 days of Trump in memes. The Guardian, 29 April. Available at: https://www.theguardian.com/technology/2017/apr/29/best-donald-trump-memes-100-days-presidency (accessed: 01.08.17).

[17] Molloy M. (2017) Donald Trump meets Pope Francis: 22 of the funniest memes. The Telegraph, 25 May. Available at: http://www.telegraph.co.uk/news/2017/05/25/donald-trump-meets-pope-francis-22-funniest-memes/ (accessed: 01.08.17).

[18] Трамп запутался в слове, когда писал твит. Получилось «covfefe». Теперь это мем // Meduza. 2017. Май, 31. Режим доступа: https://meduza.io/shapito/2017/05/31/tramp-zaputalsya-v-slove-kogda-pisal-tvit-poluchilos-covfefe-teper-eto-mem (дата обращения: 01.08.17).

[19] Cresci E. (2017) Spicer facts' and weird handshakes: 100 days of Trump in memes. The Guardian, 29 April. Available at: https://www.theguardian.com/technology/2017/apr/29/best-donald-trump-memes-100-days-presidency (accessed: 01.08.17).

[20] «Разоблачение фальсификатора и изготовленной им фальшивки неизбежно» // Коммерсантъ. 2015. Апр., 20. Режим доступа: http://kommersant.ru/doc/2712788 (дата обращения: 01.08.17).

[21] http://statearchive.ru/607

[22] *Мединский В.* 28! // Российская газета. 2016. Окт., 5. Режим доступа: https://rg.ru/2016/10/05/medinskij-im-28-panfilovcam-my-segodnia-obiazany-nashej-zhizniu.html (дата обращения: 01.08.17).

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] Там же.

[26] http://28panfilovcev.com/index.php

[27] *Кафка Ф.* Процесс. СПб: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. С. 262.

[28] Фильм «Аустрелиц» осмысляют журналисты всех ведущих мировых СМИ: «Гардиан» (Bradshaw P. (2016) Austerlitz review – a thoughtful look at Holocaust tourism. The Guardian, 21 November. Available at: https://www.theguardian.com/film/2016/nov/21/austerlitz-review-holocaust-tourism-documentary-sergei-loznitsa (accessed: 01.08.17), «Нью-Йорк Таймс» (Rapold N. (2016) Sergei Loznitsa's Movie 'Austerlitz' Observes Tourists in Concentration Camps. The New York Times, 31 August. Available at: https://www.nytimes.com/2016/08/31/arts/international/sergei-loznitsa-movie-austerlitz-tourists-concentration-camps.html?_r=0 (accessed: 01.08.17), «Шпигель» (Pilarczyk H. (2016) Sind Selfies im KZ okay? Spiegel online, 16.12. Available at: http://www.spiegel.de/kultur/kino/austerlitz-dokumentarfilm-zu-tourismus-in-kz-gedenkstaetten-a-1126030.html (accessed: 01.08.17)). А также и российские издания: Фильм «Аустерлиц»: зачем люди делают селфи на фоне крематориев // MK.RU. 2017. Апр., 4. Режим доступа: http://www.mk.ru/culture/2017/04/04/film-austerlic-zachem-lyudi-delayut-selfi-na-fone-krematoriev.html (дата обращения: 01.08.17).

[29] Венецианский кинофестиваль: Сергей Лозница. Интервью. Режим доступа: http://kinochannel.ru/news/venetsianskiy-kinofestival-sergey-loznitsa-intervyu-/ (дата обращения: 01.08.17).

[30] Там же.

[31] На сегодняшний день проект закрыт – http://yolocaust.de . Прочитать о проекте можно здесь – http://www.bbc.com/news/world-europe-38675835

[32] Gunter J. (2017) ‚Yolocaust': How should you behave at a Holocaust memorial? BBC News, 20 January. Available at: http://www.bbc.com/news/world-europe-38675835 (accessed: 01.08.17).

[33] Linning S. (2015) Hilarious Histagrams: What might have happened if famous figures from the past including The Beatles, Fidel Castro and Darth Vader had INSTAGRAM. MailOnline, 28 February. Available at: http://www.dailymail.co.uk/news/article-2973295/Hilarious-Histagrams-happened-famous-figures-past-including-Beatles-Fidel-Castro-Darth-Vader-INSTAGRAM.html (accessed: 01.08.17).

[34] *Фаулз Дж.* Любовница французского лейтенанта / пер. с англ. М.: АСТ, 2007. С. 118.

[35] The Norton Anthology of English Literature. Available at: https://www.wwnorton.com/college/english/nael/welcome.htm (accessed: 01.08.17).

[36] https://www.wwnorton.com/college/english/nael/16century/topic_2/explorations.htm

[37] Murray A. How did Shakespeare shape our sense of history? BBC iWonder. Available at: http://www.bbc.co.uk/guides/zqq3mnb (accessed: 01.08.17).

[38] http://www.bbc.co.uk/programmes/articles/1kWsQcfTPFjfz9sdxfTGFhC/our-world-war-interactive-episode

[39] Olusoga D. How do you find hidden stories from Britain's black history? BBC iWonder. Available at: http://www.bbc.co.uk/guides/z8g2xsg (accessed: 01.08.17).

[40] 1917. Свободная история. Режим доступа: https://project1917.ru/ (дата обращения: 01.08.17).

[41] Stuart K. (2015) Syrian Journey: why the BBC is right to make a game about the refugee crisis. The Guardian, 6 April. Available at: https://www.theguardian.com/technology/2015/apr/06/syrian-journey-bbc-game-refugee-crisis (accessed: 01.08.17).

[42] Например, предоставляя читателю возможность выбрать финал романа, автор все равно неявно указывает, какой из финалов *истинный*, согласно его замыслу.

Библиография

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Васильев А. Г. Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. *Л. П. Репиной*. М.: Кругъ, 2008.

Гринблатт С. Формирование «я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира»: главы из книги / пер. с англ. *Г. Дашевского* // Нов. лит. обозрение. 1999. № 35. С. 34–77. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/1999/35/grinblat.html

Дэстон Л. Научная объективность со словами и без слов // Наука и научность в исторической перспективе / под ред. *Д. Александрова, М. Хагнера*. СПб: Алетейя, 2007.

Колозариди П. В. Мем о бесславии // Логос. 2016. Т. 26. № 6. Режим доступа: http://www.logosjournal.ru/arch/90/115_12.pdf

Нора П. Между памятью и историей // Франция-память. СПб: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50. Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html

Смирнов И. П. Новый историзм как момент истории. НЛО, 2001. № 47. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/smir.html

Соловьева Д. Ю. Отражение принципов нового историзма в современных СМИ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2016. № 5. С. 98–120.

Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ.; под ред. *Е. Г. Трубиной* и *В. В. Харитонова*. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2002.

Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.

Эткинд А. Новый историзм, русская версия // Нов. лит. обозрение. 2001. № 47. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html

Brannigan J. (1998) *New Historicism and Cultural Materialism*. New York: St. Martin's Press.

Fineman J. (1989) The History of the Anecdote: Fiction and Fiction. In: Veeser H. A. (ed.) *The New Historicism*. London: Routledge.

Greenblatt S. (1988) *Shakespearean negotiations: The circulation of social energy in Renaissance England*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.

Greenblatt S. (1991) *Marvelous Possessions: The Wonder of the New World*. Chicago: The University of Chicago Press.

Knobel, M., & Lankshear, C. (2007). Online memes, affinities, and cultural production. In M. Knobel & C. Lankshear (Eds.) *A new literacies sampler*. New York, N.Y.: Peter Lang. Pp. 199–227.

Lazarsfeld P., Merton R. (1948) Mass Communication, popular taste and organized social action. In: Bryson (ed.) *The Communication of Ideas*. N.Y.: Harper and Brothers.

Rorty R. (ed.) (1967). *The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method.* Chicago: The University of Chicago Press.

Notes

1917. Svobodnaya istoriya [1917. Free History]. Available at: https://project1917.ru/ (accessed: 01.08.17).

Aktsii protesta protiv korruptsii. Tol'ko memy [Anti-Corruption Protests. Only Memes]. Meduza. 2017. Available at: https://meduza.io/shapito/2017/03/26/aktsii-protesta-protiv-korruptsii-tolko-memy (accessed: 22.09.2017).

Appy C. (2015) 70 Years Later, We Still Haven't Apologized for Bombing Japan. The Nation. Available at: https://www.thenation.com/article/70-years-later-we-still-havent-apologized-for-bombing-japan/ (accessed: 01.08.17).

Bradshaw P. (2016) Austerlitz review – a thoughtful look at Holocaust tourism. The Guardian, 21 November. Available at: https://www.theguardian.com/film/2016/nov/21/austerlitz-review-holocaust-tourism-documentary-sergei-loznitsa (accessed: 01.08.17).

Chto proiskhodit s Dianoy Shuryginoy i pochemu ee ne ostavlyayut v pokoe [What Is Happening to Diana Shurygina and Why Can't They Leave Her in Peace]. Meduza. 2017. Available at: https://meduza.io/feature/2017/02/20/chto-proishodit-s-dianoy-shuryginoy-i-pochemu-ee-ne-ostavlyayut-v-pokoe (accessed: 22.09.2017).

Cohen R. (2015) Truman Was Right to Use the Bomb on Japan. The Washington Post. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/no-apologies-necessary/2015/08/17/a0899906-450a-11e5-8e7d-9c033e6745d8_story.html?utm_term=.46de65e38050 (accessed: 01.08.17).

Cresci E. (2017) 'Spicer Facts' and Weird Handshakes: 100 Days of Trump in Memes. The Guardian. Available at: https://www.theguardian.com/technology/2017/apr/29/best-donald-trump-memes-100-days-presidency (accessed: 01.08.17).

Cresci E. (2017) ‘Spicer Facts’ and Weird Handshakes: 100 Days of Trump in Memes. The Guardian, 29 April. Available at: https://www.theguardian.com/technology/2017/apr/29/best-donald-trump-memes-100-days-presidency (accessed: 01.08.17).

Estatia L. (2017) The Best of Brexit Trigger Day Memes. BBC News, 29 March. Available at: http://www.bbc.com/news/blogs-trending-39430319 (accessed: 01.08.17).)

Fil’m «Austerlits»: zachem lyudi delayut selfi na fone krematoriev [The Movie “Austerlitz”: Why Do People Take Selfies Against the Background of Crematoriums]. MK.RU. 2017. Available at: http://www.mk.ru/culture/2017/04/04/film-austerlic-zachem-lyudi-delayut-selfi-na-fone-krematoriev.html (accessed: 01.08.17).

Fowles J. (2007) The French Lieutenant’s Woman. Moscow: AST Publ.

Geroinya Diana Shurygina: v chem uzhas internet-mema [Heroine Diana Shurygina: Why Is This Internet Meme Terrible]. MK.RU. 2017. Available at: http://www.mk.ru/zloba-dnya/2017/03/10/geroinya-diana-shurygina-v-chem-uzhas-internetmema.html (accessed: 22.09.2017).

Gunter J. (2017) “Yolocaust”: How Should You Behave at a Holocaust Memorial? BBC News, 20 January. Available at: http://www.bbc.com/news/world-europe-38675835 (accessed: 01.08.17).

Kafka F. (2010) The Trial. St. Petersburg: Izdatel’skaya Gruppa «Azbuka-klassika» Publ.

Lapina-Kratasyuk E.G. (2015) Kak tsifrovye media izmenili podkhod k istorii [How Digital Media Have Changed the Approach to History]. Forbes. Available at: http://www.forbes.ru/mneniya-column/295707-kak-tsifrovye-media-izmenili-podkhod-k-istorii (accessed: 01.08.17).

Liddle R. (2016) Stop This Stupid Sabre-Rattling Against Russia. The Spectator. Available at: http://www.spectator.co.uk/2016/10/stop-this-stupid-sabre-rattling-against-russia/ (accessed: 01.08.17).

Linning S. (2015) Hilarious Histagrams: What Might Have Happened if Famous Figures from the Past Including The Beatles, Fidel Castro and Darth Vader Had INSTAGRAM. MailOnline, 28 February. Available at: http://www.dailymail.co.uk/news/article-2973295/Hilarious-Histagrams-happened-famous-figures-past-including-Beatles-Fidel-Castro-Darth-Vader-INSTAGRAM.html (accessed: 01.08.17).

Medinskiy V. (2016). 28! Rossiyskaya gazeta. Available at: https://rg.ru/2016/10/05/medinskij-im-28-panfilovcam-my-segodnia-obiazany-nashej-zhizniu.html (accessed: 01.08.17).

Molloy M. (2017) Donald Trump Meets Pope Francis: 22 of the Funniest Memes. The Telegraph. Available at: http://www.telegraph.co.uk/news/2017/05/25/donald-trump-meets-pope-francis-22-funniest-memes/ (accessed: 01.08.17).

Murray A. How Did Shakespeare Shape Our Sense of History? BBC iWonder. Available at: http://www.bbc.co.uk/guides/zqq3mnb (accessed: 01.08.17).

Olusoga D. How Do You Find Hidden Stories from Britain's Black History? BBC iWonder. Available at: http://www.bbc.co.uk/guides/z8g2xsg (accessed: 01.08.17).

Pilarczyk H. (2016) Sind Selfies im KZ okay? [Are Selfies in the Concentration Camp Okay?] Spiegel online, 16.12. Available at: http://www.spiegel.de/kultur/kino/austerlitz-dokumentarfilm-zu-tourismus-in-kz-gedenkstaetten-a-1126030.html (accessed: 01.08.17).

Prizyvayushchaya tantsevat' Rodina-mat' rasserdila zhiteley Tosno [Motherland Poster Inviting to Dance Has Angered the Residents of Tosno]. Lenta.ru. 2016. Available at: https://lenta.ru/news/2016/04/19/justdance/ (accessed: 01.08.17).

Rapold N. (2016) Sergei Loznitsa's Movie "Austerlitz" Observes Tourists in Concentration Camps. The New York Times, 31 August. Available at: https://www.nytimes.com/2016/08/31/arts/international/sergei-loznitsa-movie-austerlitz-tourists-concentration-camps.html?_r=0 (accessed: 01.08.17).

Razoblachenie fal'sifikatora i izgotovlennoy im fal'shivki neizbezhno [Disclosure of Falsifier and His Fake is Inevitable]. Kommersant. 2015. Available at: http://kommersant.ru/doc/2712788 (accessed: 01.08.17).

Richardson H. (2017) Brexiteers Have Flooded Twitter with Triumphant (and Hilarious) Memes to Celebrate Britain Finally Quitting the EU. The Sun, 29 March. Available at: https://www.thesun.co.uk/living/3205863/its-brexit-day-and-people-are-summing-up-their-feelings-in-these-triumphant-and-hilarious-memes/ (accessed: 01.08.17).

Snow D. (2015) Was it Right to Bomb Hiroshima? BBC. Available at: http://www.bbc.co.uk/guides/zq7yg82 (accessed: 01.08.17).

Stuart K. (2015) Syrian Journey: Why the BBC Is Right to Make a Game About the Refugee Crisis. The Guardian, 6 April. Available at: https://www.theguardian.com/technology/2015/apr/06/syrian-journey-bbc-game-refugee-crisis (accessed: 01.08.17).

The Norton Anthology of English Literature. Available at: https://www.wwnorton.com/college/english/nael/welcome.htm (accessed: 01.08.17).

Tramp zaputalsya v slove, kogda pisal tvit. Poluchilos' «covfefe». Teper' eto mem [Tramp Misspelled a Word When Writing a Tweet. The Result Was "Covfefe". Now it's a Meme]. Meduza. 2017. Available at: https://meduza.io/shapito/2017/05/31/tramp-zaputalsya-v-slove-kogda-pisal-tvit-poluchilos-covfefe-teper-eto-mem (accessed: 01.08.17).

Venice Film Festival: Sergei Loznitsa. The interview. Available at: http://kinochannel.ru/news/venetsianskiy-kinofestival-sergey-loznitsa-intervyu-/ (accessed: 01.08.17).

Was the US Justified in Dropping Atomic Bombs on Hiroshima and Nagasaki During the Second World War? You Debate. Historyextra. 2015. Available at: http://www.historyextra.com/feature/second-world-war/was-us-justified-dropping-atomic-bombs-hiroshima-and-nagasaki-during-second (accessed: 01.08.17).

Wood P. (2016) Putin‘s Dangerous Games in the Baltic. The Spectator. Available at: http://www.spectator.co.uk/2016/10/putins-dangerous-games-in-the-baltic/ (accessed: 01.08.17).

References

Assmann J. (2004) *Kul’turnaya pamyat’: pis’mo, pamyat’ o proshlom i politicheskaya identichnost’ v vysokikh kul’turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in Great Ancient Cultures]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury Publ. (In Russian)

Brannigan J. (1998) *New Historicism and Cultural Materialism*. New York: St. Martin‘s Press.

Etkind A. (2001) Novyy istorizm, russkaya versiya [New Historicism, the Russian Version]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 47. Available at: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/edkin.html (In Russian)

Fineman J. (1989) The History of the Anecdote: Fiction and Fiction. In: Veeser H.A. (ed.) *The New Historicism*. London: Routledge.

Greenblatt S. (1988) *Shakespearean Negotiations: the Circulation of Social Energy in Renaissance England*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.

Greenblatt S. (1991) *Marvelous Possessions: The Wonder of the New World*. Chicago: The University of Chicago Press.

Kolozaridi P.V. (2016) Mem o besslavii [A Meme About Disgrace]. *Logos* 26 (6). Available at: http://www.logosjournal.ru/arch/90/115_12.pdf (In Russian)

Lazarsfeld P., Merton R. (1948) Mass Communication, Popular Taste and Organized Social Action. In: Bryson (ed.) *The Communication of Ideas*. N.Y.: Harper and Brothers.

Nora P. (1999) Mezhdu pamyat’yu i istoriey [Between Memory and History]. In: *Frantsiya-pamyat’* [France-Memory]. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Publ. Pp.17-50. (In Russian)

Rorty R. (ed.) (1967). *The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method*. Chicago: The University of Chicago Press.

Smirnov I. P. (2001) Novyy istorizm kak moment istorii [New Historicism as a Moment of History]. *Novoe literaturnoe obozrenie* (47). Available at: http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/smir.html (In Russian)

Solov’eva D. Yu. (2016) Otrazhenie printsipov novogo istorizma v sovremennykh SMI [Principles of New Historicism as Reflecfted in Modern Media]. *Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika* 5: 98–120. (In Russian)

Vasil’ev A. G. (2008) Sovremennye memory studies i transformatsiya klassicheskogo naslediya [Modern Memory Studies and the Transformation of Classical Heritage]. In: L. P. Repina (ed.) *Dialogi so vremenem: pamyat‘ o proshlom v kontekste istorii*. Moscow: Krug“ Publ. (In Russian)

Greenblatt S. (1999) Formirovanie “ya” v epokhu Renessansa: ot Mora do Shekspira: glavy iz knigi [Renaissance Self-Fashioning: from More to Shake-

speare]. *Novoe literaturnoe obozrenie* (35): 34–77. Available at: http://magazines.russ.ru/nlo/1999/35/grinblat.html (In Russian)

Daston L. (2007) Nauchnaya ob"ektivnost' so slovami i bez slov [Scientific Objectivity With and Without Words]. In: D. Aleksandrov (ed.) *Nauka i nauchnost' v istoricheskoy perspective* [Science and Scientificity in the Historical Perspective]. Moscow: Khagnera Publ. (In Russian)

Webster F. (2004) *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian)

White H. (2002) *Metaistoriya. Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: Historical Imagination in 19th-Century Europe].]. Translated from English E.G. Trubinoy and V.V. Kharitonova. Ekaterinburg, Ural University Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
14.12.2017